

ЧЕХОВСКИЙ ТЕКСТ КАК ИНТЕРТЕКСТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А.П. ЧЕХОВА)

Тексты А.П. Чехова - будь то реплики персонажей, целостные эпические (вне зависимости от их физического объема) или драматические произведения – могут восприниматься как собрание отдельных интертекстуальных опытов, а также - как целостный, насколько это возможно в подобной ситуации, интертекст мировой культуры. От библейских цитат до школьных трюизмов – таков диапазон использования культурных клише, привычных для учившегося в гимназии и университете, вращавшегося в различных с профессиональной и социальной точки зрения кругах человека. Самое важное здесь – органичность едва ли не постоянного фрагментарного цитирования, которым занимается и автор художественных или эпистолярных либо публицистических текстов, и его персонажи.

Настоящая статья является первым опытом разработки контекстуального и интертекстуального поля, в котором существовал Антон Павлович Чехов, и потому своей задачей я полагаю максимальную конкретизацию тех теоретических позиций, которые впоследствии можно будет развивать. Необходимая конкретность может быть достигнута за счет несколько непривычного для исследования художественного творчества, но достаточно показательного количественного подхода и структурирования изученных текстов по ряду специально обозначенных параметров.

Для демонстрации высказанной гипотезы относительно *интертекстуальности чеховских текстов* были путем случайной выборки исследованы 64 художественных и публицистических текста (рассказы, повести, очерки, пьесы), где содержатся свыше 100 цитат, и письма к 10 адресатам, где содержатся 34 цитаты. Предпринято несколько видов *классифи-*

кации материала. Сразу оговорим, что некоторые аспекты исследования будут обнаружены позднее; это относится, во-первых, к характеру цитирования в художественных текстах (авторская речь или речь персонажей); во-вторых, к составу текстов с точки зрения их жанровых особенностей (рассказы, повести, очерки, фельетоны, пьесы, письма); в-третьих, к степени насыщенности одного и того же текста цитатами и упоминаниями (так, из рассмотренных художественных текстов почти третья часть содержит по две и более цитат, есть и такие, где встречается от 4 до 7); в-четвертых, к составу адресатов (из тех, письма к которым были рассмотрены в данном случае, наиболее часты цитаты в обращениях к коллегам, А. Суворину и Н. Лейкину; и понятно, что между оценкой Чеховым интеллектуальных, в том числе ассоциативных потенций адресатов, и частотой использования цитат существует прямая зависимость, ибо этим людям Чехов, в первую очередь, «свою образованность» показать хочет).

Основу же настоящей статьи составляет классификация по, казалось бы, наиболее очевидному, но при этом далеко не однозначному признаку – *по типу источников цитирования и упоминаний*. При подсчете было обнаружено 139 цитат (в основном прямых, редко - косвенных) и персональных упоминаний. На их анализе и остановимся подробнее.

18 цитат из религиозных источников делятся, с точки зрения характеристики текстов, в которых они содержатся, ровно пополам: 9 содержатся в письмах, 9 – в художественных текстах. Хорошо известная набожность и подчеркнутая религиозность уклада семьи, в которой Чехов рос, сказалась в том, что далеко не расхожие выражения стали органической составной частью не только образной

структуры, но и вошли в бытовой лексикон Чехова. И здесь возникают не только привычные «тайна сия велика есть» (Послание к ефесиянам, 5) в письме к А.С. Суворину от 28.05.1892 или упоминание о посыпании головы пеплом (Иов, 2) в письме к М.В. Киселевой от 3.02.1888. Сегодня нельзя уверенно утверждать, понимал ли врач с университетским образованием значение слова «акриды», когда упоминал, в соответствии с евангельским (Марк, 1) о том, что питается ими и медом – в письме к М.П. Чеховой от 28.05.1890; приведя редко употребляемое словосочетание, он, похоже, похвалился тем, что ест... саранчу или кузнечиков (так, упоминая двух разных «животных»), разъясняет это слово в переводе с церковнославянского Вл. И. Даль). В своих текстах Чехов не раз упоминает казнь египетскую или египетскую работу, упоминает о верблюде, способном пройти сквозь игольное ушко. Но, пожалуй, необходимо специально отметить, что некоторые выражения приводятся в своей архаической, далеко не обыденной форме: сетуя на необходимость заботиться о семье и невозможность жить отдельно, Чехов в письме к Ал. П. Чехову буквально цитирует церковнославянский оборот «на реках вавилонских седоном и плакахом» (Псал., 136); отметим попутно, что персонаж рассказа «Именины» во вполне традиционном смысле упоминает, тем не менее, не распространенное в обыденной речи и усвоенное явно с чеховского детского времени жестко и аккуратно исполнявшихся обрядов слышанное в литургии выражение «благорастворение воздуха».

В 22 случаях можно отметить «пограничный» характер использования цитат. Сравнение показывает, что ссылок на собственно литературные источники в чеховских текстах значительно больше, чем ссылок на религиозные источники. Что касается ссылок, находящихся «на грани», то здесь пропорция обратная. Речь, в том числе и в эпистолярном жанре, пестрит библеизмами (их

15), в то время как литературных цитат значительно меньше именно в этой группе текстов (их - 7).

Несомненно, *грань*, разделяющая (или сближающая) обыденное сознание с литературными или религиозными источниками, носит весьма *условный характер*, потому и подразделение, предпринятое в некоторых случаях, может вызвать несогласие, что, впрочем, естественно.

Чехов дал своему рассказу о капризной и недалекой барыньке, едва освободившейся от нелюбимого мужа и «вынужденной» выходить за другого, поскольку на ее пути возник еще более богатый старик, - «Загадочная натура». Название носит явно иронический смысл, поскольку загадку составляют не душевные метания дамы, а ее готовность трогательно рассуждать о жертвах, которых, на самом деле, впору было бы стыдиться. Источниками, очевидно, являются тексты немецких авторов, Ф. Шпильгагена, роман которого был назван так же, как и рассказ Чехова, и И.-В. Гете, чье изречение послужило эпиграфом к названному роману и содержало рассуждение о натурах, не способных принаравливаться к своему положению в жизни, не удовлетворенных жизнью и не умеющих ею наслаждаться. Если продолжить логику суждений немецких авторов, то станет ясно, что знаменитые на Западе «загадочные натуры» являются своеобразным аналогом не менее знаменитых русских «лишних людей», о которых заговорили после появления в 1850 году одноименного очерка И.С. Тургенева. Пограничный характер с обыденной речью носят литературные клише - упоминаемый в «Попрыгунье» Чехова «медовый месяц» (мало кто помнит теперь об использовании этого понятия, заимствованного из восточного фольклора, в романе Вольтера «Задиг, или Судьба»); ругательство «альфонс», адресованное в рассказе «Враги» неверной жене и возникшее благодаря пьесе А. Дюма-сына «Господин Альфонс». Столь же обыденно (на грани между религиозным текстом и обыден-

ной речью) звучат заимствованные из Библии упоминания Каина (Быт., 4) в рассказе «Сапожник и нечистая сила» или Ирод (Мтф., 2), постоянно поминаемый то в «Бабах», то в «Черном монахе», подчас даже с маленькой буквы, то есть в расхожем значении злодея; в контексте раздражения против наглого начальника, требующего почитания, возникает в «Праздничной повинности» упоминание звучащего в аду «скрежета зубовного» (в оригинале – «скрежет зубов», Мтф., 8); переименовывается в «Скучной истории» евангельское (Мтф., 6) «злоба дня», когда акцент с повседневности, сопровождающей движение жизни, переносится на актуальность отставки университетских администраторов; религиозная лексика откровенно снижается, когда в рассказе «Кухарка женится» фигурирует упоминание об альфе и омеге кухни, при том, что греческие буквы как символ начала и конца фигурировали в апокалиптическом контексте (Откр., 1).

24 источника не относятся ни к числу литературных произведений, ни к числу религиозных текстов.

Это, прежде всего, 5 отсылки к мифологии (Тантал в «Тряпке», нектар в «Аптекарьше», сфинкс в «Рассказе неизвестного человека», Эскулап в «Сельских эскулапах», Юпитер в «Скуке жизни» - причем в последнем случае буквальной цитатой звучит в иронической реплике усмехающегося генерала знаменитое «Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав»).

Кроме того, в 12 случаях звучат высказывания политических и военных деятелей (либо упоминания о них), неназванные ссылки на научные сочинения и политические лозунги. Из политической практики приходит не только сетование на обольщение иллюзиями насчет равенства, братства и прочего («В усадьбе», источник – лозунг эпохи Великой французской революции из постановления от 30 июня 1793 года), но совершенно искаженное по отношению к первоначальному, вполне конкретному и включавшему представление о представителях как мужского так и женского пола, вы-

ражение «синий чулок», возникшее в Англии 1780-х годов («Розовый чулок»). Очень импонировали чеховским персонажам рубленые фразы Юлия Цезаря в любом их пересказе, от Плутарха до Шекспира: «жребий брошен» («Моя жизнь»), а также рассуждение о преимуществе первого на деревне перед вторым в городе («Дуэль»). Очевидно, Чехов читал, либо в его окружении были приняты в пересказе цитаты из знаменитого сочинения А.В. Суворова «Наука побеждать». Он не просто упоминал привычное словосочетание «быстрота и натиск», но и начинал его «глазомером» («Жена»); и нехорошо острит по поводу неудавшегося самоубийства критика Кичеева, говоря, что пуля оказалась душой, и заодно дезавуируя суворовское «пуля – дура, штык – молодец» (письмо к Н.А. Лейкину от 12.01.1886). Разумеется, особо следует отметить интертекстуальный характер введения трюизма в текст рассказа «Учитель словесности». В отличие от прямых или косвенных возможностей установления авторства, времени или ситуации возникновения того или иного оборота, процитированного Чеховым, предсмертный бред Ипполита Ипполитовича носит архетипический характер: вся мудрость, вся тяга к привычным и удобным способам презентации сложного мира собраны в двух вполне безобидных фразах: «Волга впадает в Каспийское море. Лошади кушают овес».

Наиболее многочисленна группа источников литературного происхождения - 75. В силу такого обилия литературных цитат и упоминаний логично было предпринять дополнительную классификацию, учитывающую состав авторов произведений-источников, круг их произведений и частоту обращения к тем и к другим.

Излюбленным автором Чехова оказывается В. Шекспир (12), причем рядом с непревзойденным «Гамлетом» (5) возникают и «Отелло» (3), и «Ричард III», и «Ромео и Джульетта», и «Король Генрих IV», и «Юлий Цезарь». В исследованных текстах количество цитат из его произведений превышает и грибоедов-

ские (9), и гоголевские (всего 8 – 5 из «Ревизора» и 3 из «Мертвых душ»), и заимствования из басен Крылова (7), и пушкинские (всего 7 – 3 из «Онегина», 2 из «Годунова», по 1 из «Полтавы» и «Поэта»).

Из вызывавшего едва ли не преклонение Л. Толстого – всего 1 цитата, правда, от всех прочих она отличается наличием прямой ссылки на источник - в повести «Три года» интеллигентная речь персонажа содержит ссылку: «Это, я думаю, само собой уладится, или, как говорит лакей у Толстого, образуется». Все очень просто, к месту, но самое обыкновенное слово «образуется» уже успевает превратиться в клише, к которому добросовестный – уже не персонаж, а Чехов, - отсылает читателей, поскольку в его писательском сознании употребление вполне обычного глагола в расширительном и явно ироническом значении закреплено за великим предшественником.

В авторской речи и в речи персонажей Чехов пользуется литературными персонажами и цитатами главным образом именно в их общепринятом понимании. Ему это нужно прежде всего для сокращения поясняющих характеристик, комментариев (сказано «Отелло в юбке» - и не нужно длинно описывать склонность Ниночки в одноименном рассказе к неоправданной бурной ревности; сказано в рассказе «Именины» о «держимордовских» взглядах, которые «деморализуют среду», или о хамстве чиновников, являющих собой «смесь Держиморды и Яго» в очерке «Остров Сахалин» – и не требуется длинных филиппик относительно грубости, наглости, страсти к интриганству и нежелания выполнять свои служебные обязанности). Чехов любил преувеличенные числа, которые могли, разумеется, иронически показать подлинный масштаб событий. У него и гоголевские «тридцать пять тысяч курьеров» скачут, чтобы придать предстоящему событию особую значимость («Княгиня»), и шекспировские «сорок тысяч братьев» фигурируют, чтобы показать всего-навсего масштаб опьянения одного пер-

сонажа («Ночь на кладбище») или глупости другого («Двадцать девятое июня»). Высокопарные и часто в источнике возникавшие в трагически-безысходных ситуациях фразы снижаются до обыденного уровня. Так происходит с шекспировской фразой «полцарства за коня» в повести «Три года»: «Полцарства за стакан чаю! – проговорила она глухим голосом, закрывая рот муфтой, чтобы не простудиться». В очерке «Осколки московской жизни» владельцы аптек на Никольской испытывают «настоящие, вулканические» страсти и жаждут «крови и мести», в силу чего приравниваются к шекспировским же Монтеки и Капулетти. К собственным бытовым ситуациям применяет Чехов и пушкинское «тяжела ты, шапка Мономаха» (в письме к Н.А. Лейкину от 17.11.1885 - в связи с необходимостью переезда с плохой квартиры), и карамзинское «глагол времен», высокопарно звучавшее в стихотворении «На смерть князя Мещерского» и «сниженное» в связи со стареющим родственником, который «ослабел, поседел и тихо говорит».

Есть в чеховских текстах моменты интерпретации, в частности обывательской, представлений о вечных («бродячих») сюжетах и персонажах – Гамлете, Дон Жуане, Дон Кихоте («упрямый фанатик, маньяк» - «Соседи»). Характерно, что провинциальный интеллигент Иванов в одноименной пьесе существует именно в поле этих вечных образов: он, косвенно апеллируя к Дон Кихоту, призывает не воевать «в одиночку с тысячами», не сражаться с мельницами и, чего, впрочем не было у Сервантеса, не биться «лбом о стены»; и он же называет позором для себя сравнение с жалкими людьми, которым льстит название их «лишними людьми» или «гамлетами» (именно так, во множественном числе и с маленькой буквы), жалкими и так называемыми «лишними».

Среди литературных источников (цитат) есть прежде широко известные, но ушедшие из культурной памяти нашего времени. Очевидно, для Чехова и его

эпохи эти цитаты были привычными и очевидными участниками общения и художественной речи. В «Жене» и «Расказе неизвестного человека» повторяется расхожая и словно бы ниоткуда взявшаяся фраза «было дело под Полтавой», источником которой была песня середины XIX века на слова И. Молчанова; другая песня, XVIII века, на слова М. Зубовой с наивной высокопарностью упоминается в письме Н.А. Лейкину (от 27.08.1886) всего-навсего в связи с отъездом из «прекрасных здешних мест». Как непосредственно песни, так и стихотворение Ю. Нелединского-Мелецкого «Песня» воспроизводится персонажем рассказа «Происшествие» при воспоминании о неминуемой встрече с кабаком: «зайдут, выпьют стаканчик – и *унеси ты мое горе!*»

Особняком, как представляется, стоит достаточно странная идентификация Чехова как единомышленника Фамусова – либо подчеркнуто свободное отношение к «крылатой фразе», отделенной для писателя от непосредственного источника цитирования. Грибоедовский персонаж, рассуждающий о тяготах светской жизни, сокрушается: «Пофилософствуй – ум вскружится...» Чехов в письме А.С. Суворину (от 27.03.1894) обсуж-

дает успехи естественных наук, по поводу которых бросает явно иронически: «А зафилософствуй – ум вскружится». И все бы ничего, если бы Чехов только буквально воспользовался чужой фразой для остранения наблюдаемой им самим ситуации. Но подобный оборот возникает в речи одного из его собственных персонажей, причем чеховская ирония перетекает в самоиронию Вершинина, отдающего себе отчет в нелепости и никчемности отвлеченных рассуждений в условиях провинциальной рутины: «Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем».

... В одном из своих язвительных высказываний, приписанных в записных книжках вымышленному профессору и превратившихся, как и многие другие, в своего рода «крылатые слова», А.П. Чехов заметил: «Не Шекспир главное, а примечания к нему». Зная такое отношение Чехова к формализации научной деятельности, нельзя, тем не менее, не видеть, насколько отчетливо детальное и нетривиальное по научному инструментарию прочтение общеизвестных текстов дает возможность расширить представления о соотношении творчества самого Чехова и мирового культурного контекста.